

ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ А.НИКОНОВА «ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА. РЕЛИГИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ БИЗНЕС»

Все изложенное ниже является удивительной по красоте и изяществу теорией ныне покойного московского экономиста Кирилла Коликова. Мы познакомились лет десять тому назад, и однажды «за рюмкой чая» он донес до меня благовест, которую вы сейчас прочтете. Мне оставалось только записать и стилистически оформить сказанное.

В основе человеческих взаимоотношений и политики лежат деньги. Мне, экономисту, это особенно ясно, — говорил Кирилл, сидя на потрепанном стуле.

А в основе экономики лежит человеческая психология. Именно психология много-много лет назад подтолкнула меня заняться экономикой тех событий, которые случились четырнадцатого дня месяца Нисана семьсот восьмидесятого года от основания Рима...

Еще подростком, читая Евангелие, я был поражен безобразной сценой, которую устроил Христос в иерусалимском Храме. Уж больно не вязался с личностью и проповедями Христа этот внезапный и совершенно немотивированный выброс агрессии. Иисус переворачивал столы торговцев, кричал, ругался. Потом эта сцена получила название «изгнание торговцев из храма». Хотя историки твердо знают, что никаких торговцев в иерусалимском Храме никогда не водилось просто из-за отсутствия там места, а менялы сидели на площади *перед* храмом.

Если бы акт вандализма учинил кто-то другой, мы бы, разумеется, квалифицировали его деяние как злостное хулиганство, сопряженное с явным неуважением к обществу и совершенное с особым цинизмом. Представьте, что сегодня кто-то ворвался в церковь и устроил погром — с криками: «Выгнать торговцев из Храма!» перевернул столики со свечками, иконками и религиозной литературой. (Кстати говоря, перед иерусалимским Храмом тоже продавали предметы религиозного культа.) Как бы вы это восприняли? Точно так же восприняли действия Иисуса и современники. Тем паче, что меняльные столы стояли тут уже многие десятки лет и были в устоявшемся порядке вещей, в отличие от возмутительных дебошей.

Почему же за кощунство Христа не убили сразу? Почему вместо скорой, но справедливой расправы с ним вступили в религиозную дискуссию? Только ли потому, что Христа всегда сопровождали двенадцать здоровенных лбов, причем некоторые из них были вооружены? Почему, наконец, Христос устроил этот погром именно перед праздником Пасхи, ведь до того он тысячу раз видел эти злосчастные столы и спокойно проходил мимо?.. Эти вопросы не давали мне покоя, и я вплотную занялся исследованием. И вот теперь, по прошествии многих лет, кажется, знаю истинную причину тех давних событий...

Относиться к «евангелию от Кирилла» нужно точно так же, как и ко всем прочим евангелиям, написанным не по горячим следам, — как к версии, не более. Преимущество этого евангелия перед каноническими только

в его большей психологической достоверности и в том, что оно реалистично, то есть удерживается от того, чтобы вешать слушателю лапшу на уши, рассказывая детские сказки про чудеса...

§ 2. Иудейские шахматы

Фарисей и саддукей - братья навек!

Экономика Древнего мира была немногим проще сегодняшней. Но для того чтобы понять тайные пружины, приведшие к гибели одного из множества бродячих иудейских проповедников, вошедшего в легенды и даже послужившего зерном кристаллизации целой мировой религии, нам нужно немного разобраться в финансовой системе Римской империи. Потому что, говоря современным языком, Христа погубили тогдашние олигархи. За то, что он требовал прекратить валютные спекуляции и вложить капиталы в реальный сектор экономики. Христа убили большие деньги. Он вступил в рискованную политическую игру и проиграл. Его съели, как пешку в шахматной партии...

Основной денежной единицей Рима были серебряные сестерции и динарии. Сестерций весил 1 грамм, а динарий - примерно 4,3 грамма. (Динарий вообще-то был выпущен римлянами «под драхму». Когда бывшие греческие владения отошли Риму, там ходили греческие драхмы весом около 4,3 грамма. Чтобы не собирать все эти монеты и не переплавлять их в сестерции, римское руководство приняло решение выпустить аналогичную по весу свою монету - динарий.)

И еще одна была монета у римлян - аурея. Как следует из названия, она была сделана из золота и весила 8 граммов. Тяжелая такая монетка, подогнанная под половину персидского дарике, который весил аж 16 граммов. Золотые монеты в Древнем Риме играли ту же роль, что сегодня играет доллар. Это была мировая валюта. Так же как когда-то английские гинеи, римские ауреи были введены для расплаты за колониальные товары.

Геологически так сложилось, что на Востоке были месторождения золота, а в Европе — серебряные рудники. Стало быть, Рим был богат серебром, а Азия — золотом. Поэтому 1 грамм золота в метрополии стоил 12,6 грамма серебра, а на Востоке, в том числе в Иерусалиме, за тот же грамм золота давали 4,7 грамма серебра. Рано или поздно кто-то должен был этой разницей курсов воспользоваться...

Иудея являлась единственной провинцией Римской империи, которой было позволено чеканить свои монеты. Правда, с определенными ограничениями: туземцы могли чеканить только сикли — особые религиозные деньги. Дело в том, что на римских монетах были языческие изображения, которые, по иудейской вере, нельзя вносить в Храм. А подношения делать надо. Поэтому левиты (иудейские священники) и попросили у Рима права печатать свою монету. Не подумайте худого, господи, мы вовсе не хотим подорвать валютную монополию империи! Исключительно с религиозными целями!.. Рим, никогда на насаждавший на покоренных территориях свой культ Юпитера и вообще проводивший очень мягкую религиозную политику в отношении провинций, разрешил. И Иудея стала чеканить сикли.

Сикли продавались прямо у входа в Храм на меняльных столах. (Именно их и крушил Христос.) Это была здоровенная монета — 1 сикль равнялся 20 динариям. Каждый взрослый иудей обязан был на Пасху пожертвовать храму полсикля. Здесь тоже таилась своя хитрость. Полсикля купить было, естественно, невозможно. И если муж с женой на двоих отдавали за сикль 20 динариев, вносили священную монету в Храм и тут же жертвовали ее левитам, то, например, холостому взрослому человеку приходилось вдвое переплачивать, покупая целый сикль и отдавая Храму те же 20 динариев. Это был как бы местный «налог на бездетность», стимулирующий женитьбу и, соответственно, производство детей.

Данные жертвования были формой налога с простых евреев на поддержку местной власти. Иудеей тогда, помимо римского наместника, управлял «религиозный парламент» — Синедрион. В Синедрионе сидело две партии - саддукеи и фарисеи. Нам совершенно неважно, чем они отличались друг от друга по идеологии, не будем вдаваться в их религиозные оттенки. Но если опять-таки проводить современные политические аналогии, то саддукеи были ближе к «западникам», а фарисеи — к «патриотам».

Саддукеи были партией аристократов, настроенной на сотрудничество с оккупационными властями. А фарисеи были ближе к диковатым народным массам и потому страдали местечковым патриотизмом, каковой всегда является следствием примитивизма и инфантилизма.

Фарисеи выступали против римлян и коллаборационистов из местной власти, а также сочувствовали зелотам — тогдашним палестинским террористам, которые убивали исподтишка римлян, отравляли колодцы, откуда пили legionеры, и занимались прочим непотребством. Хорошо, что взрывчатку тогда еще не изобрели!.. Зелоты мечтали с помощью вооруженного восстания свергнуть «тиранию» Рима.

Короче, саддукеи были прагматиками, а фарисеи - слегка восторженными ортодоксами. Исторически сложилось так, что меняльные столы, то есть все финансовые потоки Храма (читай — государства), были полностью подконтрольны аристократам-саддукеям. Это естественно: прагматики всегда ближе к деньгам, чем твердолобые патриоты! За твердолобость и негибкость в «римском вопросе» саддукеи фарисеев очень не любили.

Патриоты-фарисеи резко выступали против западных оккупантов. Фарисеи твердили о традиционных ценностях, размываемых западной заразой. Римляне, мол, во всем виноваты. И их здешние прихлебатели. Грабят нашу Родину, сволочи!

Хотя все было наоборот...

Как-то вечером патриции собрались у Капитолия...

Все было совсем наоборот: прагматичные саддукеи конвертируют полученное от меняльных столов серебро на золото по курсу 1:4,7, грузят это золото на корабли и везут в Рим, где меняют на серебро по курсу 1:12,6 и везут серебро обратно в «родные Палестины». Где снова меняют на золото и вновь отправляются в неспешное плавание через Средиземное море в известном направлении. Уолл-стриту и не снилась такая рентабельность валютных операций!.. А что же Рим?

«Рим погубила роскошь» - общеизвестная, почти пошлая фраза. Но эта пошлость - горькая правда. В Рим исправно поступали налоги из провинций. Но поступающее в виде монет золото не накапливалось, а утекало, как песок сквозь пальцы. Во-первых, его банально переплавляли в украшения. Во-вторых, огромные гонорары в сестерциях и динариях платились приезжим артистам, которые, прежде чем уехать, естественно, переводили серебро в «международную валюту» - золото - и увозили желтый металл из Рима. Строились циклопические сооружения. Устраивались бесплатные зрелища для плебса. За золото нужно было закупать диких зверей из Африки для гладиаторских игр. Нужно было годами учить и содержать самих гладиаторов. А гладиатор, как известно, товар разовый.

Практически все аристократы Рима, как и положено родовитым аристократам, давно уже живут в долг. А кто ростовщики, коим они должны немислимые суммы? Большею частью выходцы из провинции - евреи. Что ж, такова всегдашняя историческая разница менталитетов у жителей метрополии и у пришлых. Имперские аристократы в свое удовольствие тратят деньги, а жители провинции, приученные скудостью жизни к накоплению, соответственно, складывают денежку к денежке. Если бы валютными спекуляциями занимались римляне, капитал оседал бы в Риме, а не в Иудее. Но... Не занимались они этим! Вот так же москвичи ругая ругают «черных», которые все рынки захватили, но попробуйте хоть одного жителя столицы загнать на рынок! Мы, как и римляне, - имперцы. Римлянам лишь бы повоевать, в банях попариться, поговорить о высоком, благо театров и прочих мест духовного кормления в столице - пропасть. А тем временем еврейские капиталы подтачивают основы империи...

В общем, внутренний долг растет. Рим катится в пропасть. Император Тиберий это понимает. Тиберий пытается бороться с экономикой проедания, воюет с роскошью: издаст антиалкогольные указы, высылает из Рима артистов, закрывает элитные рестораны, пытается директивно сдерживать цены. Это, естественно, ни к чему хорошему не приводит. Напротив, растет инфляция, процветает черный рынок, в обществе накапливается напряжение. Растет раздражение аристократов против ростовщиков. Растет раздражение администрации против финансовых спекуляций евреев, отнюдь не способствующих укреплению денежной единицы Рима. Растет раздражение аристократов против императора Тиберия, который ограничивает их в развлечениях. А при таких делах и до заговора недалеко...

И заговор с целью убийства Тиберия действительно случается. Во главе заговора некто Элий Сеян, легат преторианской гвардии. Как мы сейчас сказали бы, командующий римским военным округом.

Здесь необходимо небольшое, но любопытное отступление. Заговор Сеяна состоялся в 30 году нашей эры. Раньше считалось, что Христа распяли в 33 году нашей эры, когда ему стукнуло 33 года. Но современные богословы и историки отодвигают эту дату на три года назад - в Нисан года тридцатого, то есть все случилось как раз в период заговора против Тиберия. Вообще говоря, разными историками дата рождения и, соответственно, возраст смерти Христа определяются по-разному. Самым смелым был, по-моему, отец Александр Мень.

Он полагал, что на момент распятия Христу исполнилось всего только 23 года. Мальчишка...

«Тиберия — в Тибр!» — таков лозунг заговорщиков. Но Сеяну нужна поддержка на случай вероятной гражданской войны, которая, возможно, вспыхнет в результате его переворота. И Сеян пишет своим старым друзьям, в том числе наместнику Иудеи прокуратору Понтию Пилату и его непосредственному начальнику - легату Сирии. Просит поддержки. Оба соглашаются, но менее решительный сирийский легат всю оргработу сваливает на Пилата, а сам выжидательно уходит в тень.

Пилат начинает подготовку. Но у него проблема: прокуратор не уверен, пойдут ли расквартированные в Палестине легионеры воевать за самозванца. Тем более что из-за разницы золото-серебряных курсов в Риме и на Востоке на свою зарплату легионеры в Иудее могут позволить себе жить в три раза лучше, чем в метрополии. Так на кой ляд им возвращаться на Родину? Вы нас Родиной не пугайте, товарищ Пилат!.. Тем паче, что есть повод не послушаться прокуратора: Сеян-то - государственный преступник. Самозванец. Падла.

Значит, нужно дать легионерам деньги. Много денег. А где взять? Пилат — простой римский чиновник, живущий на одну зарплату. Откуда у чиновника такие деньги? Но прокуратор знает, где нужная сумма имеется. Однажды он уже брал из этого источника. Еле отмылся потом...

Гигиена важнее Бога

В Иерусалиме была очень старая канализация. И старый водопровод. На улицах воняло. Городу грозили эпидемии. Пилат неоднократно писал в Рим, чтоб дали денег на починку. Столица отмалчивалась. А местные религиозные власти в лице фарисеев и саддукеев денег на коммунальное хозяйство жалели, полагая, что канализация находится в федеральном подчинении, зато исправно вкладывали капиталы в валютные спекуляции и в предметы роскоши лично для себя. Разрыв между нищими иудейскими массами и правящей левитской верхушкой все увеличивался. Вызванное этим имущественным расслоением социальное напряжение и без того росло как на дрожжах. А тут еще добавлялось недовольство горожан плачевным положением дел с канализацией и водоснабжением. Причем, случись эпидемия, граждане-то будут все валить на проклятых оккупантов!

А не дай бог, волнения! Мало того что их придется подавлять силами вверенного Пилату гарнизона, так еще и из Рима по шапке настучат: чего это ты так доуправлялся, милый друг? А не пора ли на заслуженный отдых?..

И Пилат решился на смелый ход. Он силой взял деньги из корвана — казны Храма. И на эти деньги провернул огромные строительные работы — обновил канализацию, водопровод построил, городские бани. Естественно, в Рим тут же полетели доносы и жалобы от первосвященников: «Мы все налоги заплатили, а Пилат из священной казны деньги забрал! Нецелевое расходование средств! Вор!» В Риме по этому поводу даже сенат заседал. Тогда Пилату удалось отвертеться. Ему было что ответить сенаторам: ребята, здесь по улицам говно течет, у меня завтра половина гарнизона с ди-

зентерией сляжет; а зато я бани новые построил известного архитектора такого-то — просто загляденье бани вышли...

И сенаторы оправдали Пилата: «Бани важнее Храма!» А уж прилипло ли сколько-нибудь от этого ремонта к рукам Пилата, того мы не знаем. Может, и прилипло. Чиновники все одинаковы.

...Но сейчас повторить тот же трюк Пилату уже не удастся. В Риме тут же станет известно, что прокуратор опять взял из корвана кучу денег. «А зачем?» — тут же спросят сенаторы. Не ответишь же, что на заговор... Значит, надо подумать. Крепко подумать.

Главный лозунг Христа

Пилат жил в римской резиденции Иудеи — городе Кесарии. И лишь на праздник Пасхи на недельку традиционно приезжал в Иерусалим - привозил в Храм дары от римского императора. И как раз в самый его приезд, в четырехстах метрах (!) от резиденции Пилата случается вопиющее безобразие - некий молодой человек громит перед Храмом столы менял. Естественно, Пилату об этом становится известно мгновенно.

Туземец Пилат не любит. Пилат отнюдь не либерал. Ему ничего не стоит отдать приказ римской кавалерии затоптать группку сектантов, слушающих на пригорке очередного пророка. Этих пророков в Иудее - как блох на паршивой собаке. И все агитируют против Рима. Вот как об этом пишет Библия: «...Незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались».

Почему же Пилат делает вид, что ничего не произошло? Почему не отдает приказ немедленно схватить мерзавца и тут же доставить его на личный суд? За такие дела по местным законам вообще-то смертная казнь положена, а выносить смертные приговоры — прерогатива римских властей. Туземцы этого права лишены.

А потому Пилат молчит, что странный молодой человек бросает интересный лозунг: «Отдайте кесарю кесарево!» Причем явно бросает его в расчете на уши прокуратора. И Пилат понимает, что демонстрация устроена лично для него. И против тех, кого он, государственный человек, всеми фибрами души ненавидит и презирает — фарисеев и саддукеев. Молчанию Пилата есть оправдание: прямых оскорблений кесарю не было, а в ваши туземные религиозные разборки я вмешиваться не хочу. Ведь вы же не просили меня о смертном приговоре смутьяну, правда, господ левиты? Действительно, господ левиты почему-то не просят смертного приговора для возмутителя спокойствия. Даже не схватили его. Чего это они стушевались?

А они боятся! Ведь для вынесения приговора Пилат может не полениться и потребовать личной встречи с Иисусом, дабы по римскому праву устроить справедливый суд. А фарисеи боятся этой встречи. Именно потому, что ее так хочет Иисус.

Информация к размышлению. Христос Иисус

Что знал к тому времени Пилат об Иисусе? Если даже и ничего не знал, то после скандала на площади наверняка затребовал сведения. И наверняка в свитках политической полиции сведений о Христе было немного. Пилат узнал, что Иисус (он же Иешуа, он же Назаретянин, он же Иегошуа) — профессиональный проповедник, обладающий определенной харизмой и пользующийся успехом у местной публики. Что проповедует он ессейскую ересь — нестяжательство и еще какую-то малопонятную римскому прокуратору ерунду. Что zelотов не поддерживает. Что по слухам, гуляющим в Галилее, настоящим отцом Иисуса был не престарелый плотник Иосиф, у которого уже висит на полшестого, а римский солдат Пандира... И здесь Пилат не мог не почувствовать легкого налета симпатии к проповеднику. Ведь он был не грязный иудей, а наполовину римлянин! Римлянин по отцу. Значит, почти римлянин...

Возможно, это было первой психологической ниточкой, связавшей Пилата и бродячего проповедника из Назарета.

Есть такая партия!

Итак, Иисус хочет встречи с Пилатом. Пусть даже его приведут к прокуратору на смертный суд. Зачем ему такой риск?

А затем, что Иисус не слепой. Он не о себе печется. Он прекрасно видит все, что творится вокруг. Он видит нарастающее раздражение Рима против финансовых спекуляций Иерусалима, раздражение Пилата волной терроризма со стороны zelотов, убивающих римских граждан, поджигающих строения, отравляющих колодцы. Он видит, что зажравшиеся левиты не только не вкладывают капиталы в городское коммунальное хозяйство, но и визжат, когда это делает Пилат. Он видит, как растет пропасть между вопиющей роскошью, в которой живут левиты, и нищетой простых горожан. Единственный, кто еще как-то по долгу службы поддерживает порядок в городе и стране, — Понтий Пилат. Проклятый оккупант. Жестокий, немилосердный правитель, которого ненавидят здесь все — и левиты, и простолюдины.

Христос понимает: добром все это не кончится. Рано или поздно напряжение разрядится кровью. Для Рима это будет маленькая победоносная война. И тогда никакой, даже относительной автономии у Иудеи уже не будет... Кстати говоря, так оно и случилось. Через непродолжительное время после распятия Христа вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено Титом, а Храм — финансовая опухоль империи — был римлянами разрушен (о чем, между прочим, Христос недвусмысленно намекал в каждом выступлении).

Христос считает необходимым вложить накопленные спекулятивные капиталы в реальный сектор экономики — в виноградники, мастерские, кузницы, рудники... Тем более что рядом Египетская Александрия, Антиохия — развитые промышленные центры того времени. Есть, есть куда вложить денежки. Ну, так вложите! И поделитесь с неимущими наконец! Хватит уже набивать карман!.. Тезис о том, что «делиться нужно», красной строкой проходит через проповеди Христа.

У Иисуса к тому времени есть своя партия — не зря он ходил по Иудее и вербовал сторонников. Даже в Синедрионе у Назаретянина есть свои

сторонники — некие Иосиф Аримо-фейский и Никодим. Последний явно поддерживал Христа во время спора на площади. Они же после распятия пришли за телом Христа. И, что характерно, солдатами Пилата тело Христа было им безропотно отдано! Впрочем, не будем забегать вперед...

Мечта Иисуса — войти со своей партией в парламент (Синедрион) и повлиять на распределение финансовых потоков: прекратить валютные спекуляции, позаботиться наконец о рушащемся городском хозяйстве, организовать помощь нуждающимся и социально необеспеченным слоям населения. Что для этого нужно? Всего ничего — встреча с Пилатом.

Ясно, что добровольно левиты его в Синедрион не пустят. Тем паче что заседать там могут только члены семей левитовых. Парламент-то сословный. А вот с помощью Пилата акцию с появлением третьей — Иисусовой — партии в парламенте перевернуть можно. Если только Пилат отпишет в Рим: мол, появился здесь один очень полезный человек, которого необходимо ввести в туземный сенат для блага Великого императора Тиберия, — то вопрос будет решен. Левиты скрипнут зубами и подчинятся.

Взамен Христос пообещает Пилату «отдать кесарю кесарево»: будучи полноправным членом Синедриона, он сможет выкупить часть (пока только часть) меняльных столов и переориентировать финансовые потоки в пользу Рима вообще и Пилата в частности. И тогда, глядишь, его родину минует участь быть раздавленной железной армией карателей.

Почему же Христос просто не записался на прием к Пилату со своими идеями? Во-первых, Пилат вряд ли лично принимает туземных голодранцев... А во-вторых, вдруг Пилат имеет от Синедриона регулярную мзду от спекуляций, вдруг он обыкновенный взяточник на «подсосе» у Храма? Тогда тихо пойти к Пилату — тихо пропасть. Значит, надо пойти громко.

Кто к нам с мечом пойдет...

Первосвященник Каиафа — глава Синедриона, или, по-современному говоря, спикер религиозного парламента, конечно, раскусил амбициозного мальчишку — Иисуса Христа. Он сразу понял, кому именно адресована фраза «кесарю — кесарево». Стало быть, Иисус — прямая угроза финансовому благополучию Храма. Сдать его римлянам, попросив смертной казни у Пилата, — риск. Вообще-то, Понтий Пилат с уголовными и политическими не особо церемонится и приговоры утверждает заочно. Но не в данном случае. Пилату, конечно, уже все донесли. Он, конечно, заинтересовался. Пилат давно точит зубы на корван.

Остается одно: по-тихому пристукнуть самозванца. А это сделать не так уж просто. Во-первых, Иисус — прирожденный конспиратор (в этом мы чуть позже убедимся). Во-вторых, Иисус действительно всюду ходит с охраной. Причем некоторые из апостолов вооружены. Петр, например, всегда ходил с мечом (в конце концов он им воспользуется, как мы знаем). Меч — редкая привилегия: ходить с оружием разрешено только римским гражданам, это их неотъемлемое право, в отличие от «неграждан». Туземцам за ношение оружия — смерть через распятие. Даже храмовая стража Синедриона вооружена деревянными дубинками и кольями.

Значит, Петр — римский гражданин. Как Петр, рожденный в Иудее, мог стать римским гражданином? Например, повоевав римским наемником. В

19 году сын Тиберия Германик воевал в Каппадокии и Армении. Естественно, во вспомогательные войска он набирал наемников, откуда поближе — с Востока. Наемникам за особые заслуги перед Римом давали награду — Крепостной венки, или Гражданский венки.

Носитель такой награды автоматом получал гражданство. Видимо, Петр был хорошим солдатом.

Служили наемники в кавалерии, следовательно, у Петра не короткий меч — «гладиус», а длинный кавалерийский — «спата». Большой меч под одеждой не спрячешь, его можно носить только открыто. Следовательно, каждый в Иерусалиме знает: Иисуса окружают вооруженные люди. На них с кольями переть бессмысленно.

А может быть, все-таки Петр имел короткий меч и носил его под одеждой нелегально? Вряд ли... Вряд ли не склонный к самоубийству человек в праздничном Иерусалиме, где на каждом шагу римские патрули, будет таскать с собой оружие, глупо нарываясь на смерть. Да даже если б не патрули! На Петра мгновенно донесли бы, вооружись он незаконно: город полон шпионов и стукачей, а у Христа и апостолов много врагов. В городе все шпионят за всеми. Даже Пилат знает, что на него постоянно идут какие-то докладные в Рим... Нет, Петр носил меч открыто — по праву римского гражданина.

Значит, днем Иисус всегда появляется в городе в окружении охраны из бывших наемников... Ночует он в пригороде на виллах своих зажиточных друзей. Как его взять?

И тут Иисус подставился сам!

«У вас продается славянский шкаф?»

Близится праздничная пасхальная ночь. Иисус говорит ученикам: сходите, мол, в город, сегодня мы будем отмечать праздник там, я так решил. Идите по такому-то адресу к такому-то человеку (примечательно, что ранее этот адрес и этот человек апостолам не были известны). Внимательно посмотрите, есть ли там кувшин. Если кувшин на месте, смело заходите и говорите хозяину такие-то слова.

Ученики выполняют все в точности. Идут на место. Там, как говорят в шпионских романах, снимают пароль (обнаруживают, что кувшин на месте, и, значит, явка не провалена). Говорят хозяину нужные слова... И только потом на явку приходит Иисус с остальными. Явка — небольшой ресторанчик. Хозяин — содержатель ресторанчика - человек Христа.

Какое-то время Иисус с апостолами пьют и гуляют. Нервничают только двое — Иисус и Иуда. Во время гулянки Иисус вдруг говорит Иуде примерно следующее: «Ладно, иди и делай, что задумано!» Иуда уходит. А Иисус, немного погодя, предлагает всем подышать воздухом. Ничего необычного в этом предложении нет, нам всем оно очень понятно: люди гуляли, пили вино — теперь надо немного проветриться. Естественное желание во все времена. Но вместо того, чтобы просто проветриться, Иисус ведет всех... за город, за речку Кедрон — в Гефсиманский сад. Зачем? Почему? Разве нельзя было заночевать там же, с блудницами? До этого случая Христос не отличался склонностью к ночевкам в лесу, у него, как мы знаем, полно состоятельных друзей.

И самое главное — ведь Иуда ушел *раньше* остальных. И о том, куда именно направится Иисус с учениками, он знать не мог. Если, конечно, Иисус сам не сказал ему об этом заранее. Но ведь Иуда точно привел людей первосвященников в Гефсиманский сад, где и «сдал» им Иисуса! Значит, план был разработан ими обоими. И Иуда — самый преданный Христу человек.

Можно предположить, что сказал Иуда Каиафе. То, что велел сказать Иисус: люди Иисуса перепились и дрыхнут сейчас в Гефсиманском саду. Сопrotивления они не окажут. Да и место глухое. Естественно, Иуда попросил денег «за предательство». Ибо бескорыстие — подозрительно.

А Христос между тем просто организовал засаду. И его план сработал...

Ночь. Пригород Иерусалима. Гефсиманский сад. Иисус сильно нервничает. Как не нервничать, если иные из его апостолов действительно дрыхнут! Им-то простительно: в большинстве своем апостолы о планах Иисуса не знают, знают только двое-трое. В их числе, естественно, и Петр. А между тем Назаретянин поставил на карту свою жизнь. Тут занервничаешь.

Появляется Иуда с отрядом головорезов Каиафы. Иуда целует Христа... И не говорите мне, что это был предательский поцелуй! Нет, это был братский поцелуй! Поцелуй людей, затеявших большое общее дело. «Держись! Я сделал все, что ты просил! Теперь твоя очередь!» — вот смысл Иудиного поцелуя.

Вот тут Петр и пускает в ход свой меч... Если бы храмовая стража пришла просто арестовать Иисуса, стычки бы не было. «Вы арестованы, пройдите!» - «Очень хорошо, я давно этого жду. Идем». Нормальный мирный вариант ареста. Но Христа пришли не арестовывать, а убивать под покровом ночи. Именно поэтому вспыхивает быстротечная схватка, окончившаяся кровью. Петр отрубает ухо одному из нападавших. История донесла до нас даже имя пострадавшего — Малх.

Иисус останавливает резню: он уже победил! И Петр опускает меч. Что, собственно, случилось? А случилась жуткая для Каиафы неприятность - коллективная драка в праздничную ночь с нанесением тяжких телесных, в которой участвовали его люди. И самое противное во всем этом — произошло нападение туземцев на римского гражданина! Римлянин даже был вынужден применить оружие. Ай-яй-яй... Такое дело не змять. С таким делом Пилат будет разбираться лично.

«За каким вы туда ночью поперлись с кольями?» — спросит у Каиафы Пилат, и в глазах его, помимо обычной усталости, будет светиться живой огонек заинтересованности и понимания. Здесь возможен только один вариант ответа:

— Арестовать богохульника хотели, ваше благородие! Днем несподручно было, они ведь ребята горячие, а тут перепились все. Ну, мы и решили воспользоваться. Чтоб без крови обошлось.

— Арестовали?

— Арестовали, вашбродь!

— Ну, давай его сюда...

Трижды не пропоет петух...

Иисус своего добился. Он арестован. Его ведут в город. Сзади — так, на всякий случай — идет Петр с мечом. Мало ли что... Вдруг захотят Иисуса дубинками забить «при попытке к бегству». Соблазн-то велик!

Привели в дом Каиафы. Ситуация накаляется. Христос получает пару оплеух. Петр не вмешивается. Его роль — главный свидетель, римский гражданин. Кто-то узнает Петра, показывает пальцем: да он, блин, сам апостол, Христов дружок! Петр отрицает: да нет, я так просто гулял ночью по садику, вижу — хотят парня мочить. Может, думаю, разбойники? Решил защитить паренька... Но Петра опять кто-то опознает.

Испугался ли Петр, как предполагают Евангелия? Навряд ли... Петр — ветеран войны. Начальник Иисусовой охраны и не такое видел в жизни. Этих безоружных горожан он может пучками косить. Просто ситуация становится все менее определенной: то ли Петр действительно Христов подельник, свидетельство коего нужно на десять поделить, то ли и вправду случайный прохожий, но в любом случае — римский гражданин. И ничего туземцы с ним поделать не могут, даже если захотят. Он не в их юрисдикции. Поэтому Петр спокойно уходит: ситуация окончательно вышла из-под контроля Каиафы, теперь Иисуса и подавно убить невозможно — весь город переполошили. Чего Петру теперь зря подставляться — Каиафа его, конечно, не накажет, руки коротки, а вот Пилату может что-нибудь не понравиться. Да и дело свое Петр, в общем-то, уже сделал — Иисус живым доставлен в город.

После такого скандала он уж точно попадет к Пилату. Левиты будут просить у Пилата предать его смерти. Пилат их ненавидит. Значит, попадет он к Пилату как враг его врагов. То есть друг. И у него есть что сказать прокуратору! Иисус сделает наместнику предложение, от которого тот не сможет отказаться.

Расчет Христа был верен. Иисус не учел только одного момента — он не знал, да и не мог знать, что в Риме зреет заговор Сеяна против Тиберия. И что Понтий Пилат — его участник.

Таланты Понтия Пилата

Пилат не просто участник заговора. Он в цейтноте! Пилату срочно нужны деньги. У него нет времени реализовывать политические схемы Иисуса. Хотя схемы безусловно интересные. Красивые схемы! И если бы он, Пилат, не поставил уже жирный крест на Иудее, если бы ему вскорости не нужно было грузить легионы на галеры и идти в Рим на поддержку Сеяна, он бы, конечно, сделал все как надо - отписал в Рим, ввел Иисуса в Синедрион, затем, используя Иисуса как подставное лицо, откупил бы часть меняльных столов... Но времени нет.

Когда Пилат услышал предложение Иисуса о введении третьей — проримской — партии в Синедрион, его симпатия к Назаретянину окрепла. Безусловно, между Пилатом и Иисусом установилась психологическая связь, которую интуитивно чувствуют практически все исследователи. Связь, которая сквозит через потерянные временем и переводами строки евангелий...

Что случилось после разговора Христа с Пилатом, в точности неизвестно. Евангелия, например, повествуют, что Пилат зачем-то отправил

Христа к Ироду. Зачем? Кто такой Ирод? Ирод Антипа — царь Галилейский... Палестина разделена на несколько самостоятельных областей, каждой из которых правит свой начальник. Иудеей, Идумеей и Самарией чутко руководил Понтий Пилат. Галилеей и Пиреей — Ирод Антипа, сын Ирода Великого.

Антипа — человек с «европейским образованием». Он вырос и выучился в Греции. Привык к имперскому лоску и роскоши. У него «цивилизованный» менталитет. Ирод живет в столице Галилеи — Тиберии. Неужели туда Понтий послал арестованного? Нет, скорее всего, в Иерусалим Ирод, как и Пилат, приехал только на праздник. Возможно, Понтий хотел посоветоваться с европейски воспитанным и проримски настроенным Иродом? Тем паче что Иисус родом из галилейского Назарета...

Есть и другое свидетельство тех событий — свидетельство древнеримского историка Иосифа Флавия. До нас дошел древнерусский перевод с арамейского варианта книги Флавия «Иудейская война». Там ясно написано, что после встречи с Иисусом Пилат отпустил его, затем встретился с Первосвященником, взял у него тридцать талантов денег и вновь отдал приказ арестовать Христа.

Что же произошло? Да Пилат просто использовал Христа для шантажа: смотри, Каиафа, я не нашел на нем никакой вины, и теперь он свободен, он в городе, твой противник. А завтра я могу поставить его перед толпой рядом с собой, и тогда его сторонники, в том числе и в Синедрионе, скажут: «Вот он, Мессия, которого мы ждали, своей мудростью сумевший убедить даже заклятого врага иудеев!» Каиафе делается нехорошо...

Никогда в жизни Пилат не продал бы Христа, если бы ему срочно не нужны были деньги! Тридцать талантов — это все, что собрали левиты за праздничные дни. Тридцать талантов - это 780 килограммов чистого золота. Годовая зарплата легиона. Можно просто показать золото солдатам, и они пойдут за Пилатом куда угодно. Даже на родину.

Сдав Христа, Пилат поступил так, как всегда поступал в жизни. Но в этот раз на душе у него скребли кошки. Что же мешало римскому прокуратору успокоиться после удачно проведенной операции? Тонкая ниточка симпатии, которая протянулась между ним и человеком из Назарета...

Последняя попытка

Обращался ли Пилат к народу на площади с вопросом, «кого вам отдать» в честь праздничка, как о том говорят все Евангелия? Возможно. И даже вероятно.

Во-первых, та самая психологическая ниточка. Все-таки, предав Христа - пообещав ему содействие, отпустив и затем вновь арестовав, - благородный римлянин чувствовал себя не в своей тарелке. Не зря же Пилат, ставший символом тиранства еще при жизни, странно колеблется, отправляя на смерть Иисуса... А во-вторых, прокуратору просто из деловых соображений ужасно не хотелось терять полезного человека. Да, за тридцать талантов он пообещал Каиафе предать Иисуса смерти. Обещание выполнил, приговорил. Но тридцать талантов теперь лежат не в корване, а в крепости Антония — иерусалимской резиденции Пилата. Каиафа обратно их уже не заберет. Значит, можно попытаться спасти Христа. Тем более что в

честь праздника нужно одного из осужденных отпустить. И Каиафа ничего не возразит: толпа отпустила! Обычай! Ваш же туземный обычай, господин Первосвященник!

Казнить должны были четверых: Иисуса за богохульство, двоих террористов-зелотов (явных врагов режима) и Варавву — обычного уголовника, прошедшего по бытовой статье. Пилат обращается к толпе, *рекламируя* ей Иисуса, называет его царем. Но Каиафа тоже не вчера родился, он-то свои национальные обычаи и особенности знает назубок! Толпа, обработанная Первосвященником, взревела: «Варавву! Отдай нам Варавву!» Понтий только скрипнул зубами...

А может быть, Каиафа и не обрабатывал толпу, просто иудеи не могли простить Иисусу недавнего надругательства над Храмом?..

Узнав, что их план сорвался, Иуда в отчаянии бросает полученные от Каиафы деньги через забор дома Первосвященника и кончает жизнь самоубийством, понимая, что на нем теперь будет висеть несмываемое клеймо предателя, ибо единственный человек, кто знает правду и мог бы его оправдать в глазах апостолов и потомков, идет сейчас на Голгофу...

§ 3. Христос Воскрес!

Живой труп

И все-таки Пилату не по себе. Не хочет он смерти Христа! Мертвый Христос Пилату не нужен. Мертвый Христос нужен Каиафе. Не часто так случается, что события идут против воли прокуратора. Пилат зол. Он велит проделать злую шутку: к кресту Иисуса приколотить табличку «Царь Иудейский», прекрасно зная, что это оскорбительно для иудеев. Левиты просят убрать унижающую табличку, но Пилат краток и резок: нет! Как написано, так написано!

К месту казни zeloty Гестас и Дисмас несут кресты сами. Христос свой крест не несет. Римские солдаты, у которых, видимо, в отношении Христа особые инструкции, ловят какого-то мужика по имени Симон. Этот Симон и тащит вместо Иисуса его крест. Более того, когда, уже на кресте, Христос просит пить, римский солдат протягивает ему губку, смоченную «поской» из солдатской фляги. В разных Евангелиях этот напиток описан по-разному — где-то он назван вином, где-то уксусом. (Интересно, кто бы и зачем принес на место казни уксус? Только еще перца, гвоздики и кардамона тут не хватает!) На самом деле «поска» - солдатский напиток со специально подобранным солевым составом -чтобы в походах утолять жажду, приводя в норму солевой баланс организма... Какая забота о приговоренном преступнике! Неужели Пилат что-то затеял?..

Время сыграло с Синедрионом злую шутку. Сейчас вторая половина дня. Завтра - суббота. В субботу ничего делать нельзя. Оставлять преступников на крестах тоже нельзя. Значит, кровь из носу, их надо похоронить до 24.00. Но они просто не успеют умереть до этого времени! Смерть на кресте - процесс долгий. В этом весь смысл - человек должен кончиться в мучениях от жажды. На кресте человек умирает трое суток, а если погода нежаркая, если дожди, то нужно пять-семь дней ждать. Специальная подставка даже предусмотрена для ног распятого, на которой он стоит, либо специальный колышек под пах, на коем распятый как бы сидит — и все для

того, чтобы подольше помучился, чтобы, обвиснув на руках всей тяжестью тела, не задохнулся бы раньше времени (дышать-то, повиснув без опоры, трудно!). Кстати, эта форма орудия древнеримской казни до сих пор точно прослеживается в православии. На могильных, например, крестах: верхняя переколка — это как бы табличка «Царь Иудейский», средняя — собственно крестовина, а нижняя косая палочка — подставка для ног или шесток для «сидения». Потому она и косо делается, что направлена как бы на зрителя, перпендикулярно плоскости креста. На картинах направление на зрителя изображается «в перспективе», «в изометрии», то есть «косо» — прямой угол ломается.

...Короче, преступникам грозит долгая смерть «на шестке». Правда, есть способы смерть ускорить. Например, прибить руки гвоздями. «Гвоздили» ведь не для того, чтобы усилить страдания, напротив — чтобы облегчить и ускорить смерть. У пригвожденных от грязных гвоздей и жаркого солнца уже через несколько часов начинался сепсис, человек впадал в горячечный бред и быстро отходил. Христа гвоздями не прибивали.

Был и еще один способ ускорить кончину. В истории он остался почему-то под названием «перебивание голени». На самом деле голени не перебивали (зачем кости-то перебивать?), а просто перерезали артерии на ногах. Вся кровь из висящего человека быстро вытекала, и он умирал. Гестасу и Дисмасу артерии перерезали. Христу — нет. Интересна мотивировка: а он уже и так умер!

С чего бы это он умер? Римский солдат ткнул Христа снизу вверх острием копья. Пошла кровь. И на этом основании солдат объявил, что «пациент» мертв. Странно. Уж кто-кто, а солдат должен знать, что у мертвых кровь не течет!

Итак, разбойники мертвы. Их трупы по старой доброй традиции сбрасывают в долину Еннома. А тело Иисуса отдают... мы уже знаем, кому его отдают: сторонникам Иисусовым — Никодиму и Иосифу Аримофейскому. Членам Синедриона, между прочим. Тело они переносят в сад к Иосифу, оборачивают тканью, пропитанной алоэ и смирной. Это может быть процессом бальзамирования. Но это может быть и обычной перевязкой: алоэ — известный антисептик. Перевязанное тело Христа кладут в склеп. А куда еще положить «мертвого»?

Каиафа понимает, что его обвели вокруг пальца. Он мчит к Пилату: как же так? Деньги взял, а преступник жив! Пилат пожимает плечами, делает круглые глаза: ничего не знаю, но моим данным преступник мертв, я и сам удивился, что так быстро... Даже, понимаешь, не успели вены перерезать. Впрочем, дорогой Каиафа, если не верите, сами поставьте стражу у склепа. («Имеете стражу — идите и охраняйте, как шаете» — Матф., 27:65.)

Пилат явно издевается: какая стража! ведь суббота, правоверные сидят по домам и ничего делать не имеют права! Левиты по этому поводу с тем же Христом сколько спорили! «Нарушение субботы» — один из пунктов обвинений, предъявленных Христу... Тогда Каиафа решается: просит Пилата поставить у склепа римскую охрану. Это уже шаг отчаяния.

А Пилату только того и надо. Стража выставлена. А тело пропадает. На вопрос левитов «Где тело?» легионеры, цинично усмехаясь, говорят,

что не знают: уснули-де и ничего не видели. Может, унесли. А может, сам ушел...

Вы верите, что римский солдат уснул на посту? Вы верите, что римский легионер, уснувший на посту, так легко в этом признается? Я не верю. За сон на посту вообще-то смертная казнь положена. Но Пилат на этот раз удивительно милостив к соням...

И все-таки, где же Христос?

Бей жидов, спасай Рим!

Скорее всего, Иисус во дворце у Ирода. Или в резиденции самого Пилата. Агенты Синедриона могли проникнуть всюду, могли перерыть весь Иерусалим с подвалов до крыш, посетить Галилею, Назарет... Только три места были им недоступны — дворец Ирода и резиденции Пилата в Иерусалиме и Кесарии.

Во дворце Ирода Иисус прожил почти год. Странный это был год в жизни Христа — в его распоряжении великолепный дворец, общение с умным, веротерпимым Иродом, возможность общаться с друзьями (Капернаум, где находятся апостолы, всего в десяти километрах). И вместе с тем — полная организационная и творческая бездеятельность.

Впрочем, прежде чем поселиться на положении добровольного арестанта у Ирода, Христос некоторое время, похоже, пользовался свободой передвижения. Он встречался с апостолами, говорил с ними. Зная, что его ищут, он, возможно, перемещался «в неузнаваемом виде». Во всяком случае, Евангелия донесли до нас свидетельства того, что даже те, кто давно знал Иисуса, сразу его не узнавали. В доказательство ему даже приходилось показывать раны от копья («Вложи, Фома, персты в раны мои»).

Дело в том, что Пилат еще не определился, что же ему делать с Христом. Он не знает, когда ему выступить со своим легионом на поддержку Сеяна: со сроками заговора пока полная неясность. И вообще в метрополии творится что-то непонятное...

...Обычно антиеврейские настроения в Риме совпадали с обострениями финансовых кризисов. Тиберий, кстати, не очень поддавался настроениям толпы. Напротив, наиболее талантливых, молодых и зажиточных иудеев он спасал, прятал от расправ, отсылая их на службу в провинцию. Но его борьба с роскошью и экономикой проедания результатов не давала. Тогда Тиберий сменил курс, отказался от директивной экономики и начал проводить радикальные экономические реформы. Он решился на передел собственности.

Сенат издал, а Тиберий утвердил два эдикта о реструктуризации долгов. Первый эдикт гласил, что все должники обязаны немедленно вернуть заимодавцам (иудейским ростовщикам, игравшим роль банков) две трети всех долгов. Второй эдикт велел немедленно обратить две трети имущества всех ростовщиков в недвижимость. Это был не просто взаимозачет, не просто конфискация имущества знати за долги. Это была самая настоящая, продуманная реформа. Тиберий убивал сразу двух зайцев: самые задолжавшие римляне больше не смогут роскошествовать, «проедавая империю», и отправятся в провинцию заниматься своими латифундиями. А иудеи, лишившись свободных средств, уже не смогут заниматься ростовщицест-

вом, но будут вынуждены тратить средства на обслуживание своей вновь приобретенной собственности: не в характере иудеев запускать земли и проматывать состояния.

Вместе с этой из Рима приходит еще одна нехорошая новость: заговор Сеяна раскрыт. И как глупо все получилось! Внучатый племянник Тиберия Гай Калигула - молодой, честолюбивый и умный - назначен Верховным Понтификом, то есть главным жрецом, человеком, который может манипулировать предсказаниями авгуров, гаруспиков и их заклинаниями посылать в бой легионы. Гай — противник Сеяна. До выяснения отношений с Калигулой Сеян мятеж откладывает. А отложенный мятеж - неудавшийся мятеж. В таких делах мямлить нельзя...

В общем, пока Сеян раздумывал, контрразведка не дремала. Сеяна взяли, взяли и его подельников. Всех, кроме хитрого Пилата. Пилат отделался выговором: его участие в заговоре доказать не удалось. Пилата наказали только за недонесение о каких-то там письмах Сеяна... На том все и заглохло.

Крах заговора все поменял в жизни Пилата. Получилось, что он никуда со своими солдатами не едет. Вот теперь-то этот парень из Назарета, которого Пилат спас на всякий случай, ему и пригодится. Ах, как чуяло сердце-вещун, что заговор Сеяна провалится! И как здорово, как предусмотрительно, что он напрямую в письмах ничего такого не написал Сеяну! Обходился лишь намеками, экивоками да устными заверениями через гонцов. А то бы сейчас размотали ему кишки в пыточных подвалах Рима... Ладно, займемся домашними делами. Пока в столицах разбираются, можно потрясти иудеев. То-то они примолкли.

Не только Пасха празднуется в Иудее. Есть праздник Пятидесятницы. Есть праздник Опресноков. И каждый раз на бирже возле Храма ажиотаж. Пилат может немного пошантажировать левитов Иисусом, который теперь действительно страшен для фарисеев, ведь он — Воскресший! Воскресший Живой Бог — да он может просто повыгонять всех этих старперов из кормушки! Воскресший Живой Бог -на службе Пилата! Да теперь он вообще сможет взять под свой контроль всю валютную биржу!

«МММ» начала эры

Чтобы взять под контроль финансовые потоки Храма, Пилату нужна христианская партия. И в 31 году к празднику Пятидесятницы апостолы во главе с Петром прибывают в Иерусалим, что называется, с первым дилижансом. Петр и Иоанн выходят на площадь Храма и делают ряд программных заявлений. Петр — «заместитель» Христа, Иоанн — юное дарование, будущий создатель бестселлера «Апокалипсис». Фарисеи тут же вызывают апостолов в Синедрион. Все их вопросы — только об Иисусе. Апостолы отвечают уклончиво. Затем они снова выходят на площадь и продолжают выступление. К чему же они призывают? Они призывают строить пирамиду! Они призывают сограждан продавать дома, земли, мастерские — и вкладывать деньги и апостолов». Что происходит?

Ничего особенного - Пилату нужен оборотный капитал для финансовых спекуляций на меняльных столах. Понимая, что Пилат вскоре отнимет у Синедриона валютно-спекулятивный бизнес и, пользуясь эдиктами Тибери-

рия, левиты начинают лихорадочно вкладывать деньги в недвижимость - покупают у граждан мастерские, дома, виноградники. Апостолам это на руку: вырученные деньги горожане несут под большие проценты апостолам. Причем разборки идут уже на чисто мафиозном уровне.

Некая супружеская чета — Ананий и Сапфира — продали спую землю и принесли деньги в свою новую христианскую "семью". Но часть денег от Петра супруги все же утаили. Узнав об этом, апостол Петр убивает супружескую чету прямо у Храма! Мотивировка: утаили деньги от Семьи.

Даже для потрясаемого переменами Иерусалима это — вопиющее преступление. Ай да иисусовцы! Начали с погромов в Храме и закончили убийствами! Убийство совершено Петром прилюдно, видимо, в назидание остальным членам общины - чтоб больше деньги не утаивали. Возмущение горожан столь велико, что Иоанна и Петра тут же арестовывают и бросают за решетку: «И наложили руки свои на апостолов и заключили их в народную темницу». Народная темница — это общеуголовная тюрьма.

Но сидят апостолы недолго. Как скромно рассказывает об этом Писание, ночью пришел ангел и освободил апостолов. Видимо, ангел носил римские «погоны». Кстати, слово «ангел» в переводе означает «вестник», «посыльный», «вестовой». В общем, пришел вестовой и освободил убийц. Да еще отmaterил местных как следует: какое вы имели право хватать римского гражданина Петра, совсем страх потеряли?!. И вообще, не вашего ума это дело, это дело — государственной важности!

Между прочим, фарисеи пытались выяснить, «какой властью» все это творится. «Деяния» рассказывают нам об этих нервных переговорах. Нам ясно одно: апостолы проводят в жизнь новую экономическую политику Пилата, а Пилат обеспечивает их безопасность.

Далее все идет по плану: Петр, как об этом откровенно сказано в Писании, назначает нескольких честных провинциалов из своей партии «пещись о столах». То есть отвечать за меняльные столы. Этих столов пока семь. Некоторые богословы полагают, будто речь идет о неких столах, где раздавался бесплатный суп малоимущим. Полнейшая глупость! За похлебку людей не убивают. Да и зачем было самому Петру лично возиться с какими-то «благотворительными учреждениями», если с полученных капиталов он мог просто назначить малоимущим пенсии? Нет, речь идет явно о тех самых столах, с которых вся эта история и начиналась...

План Иисуса начал воплощаться в жизнь. Петру удалось «оторвать» пока что семь мест на бирже и набрать первичный капитал под обещание больших процентов.

А что же Христос?

Эпилог

По приказу Пилата Иисус наверняка отправился из Галилеи в Иерусалим вместе с апостолами. Но вопрос, зачем он туда идет, не переставал беспокоить Иисуса. За время вынужденного безделья в Иродовом дворце Иисус не мог не видеть, что реальным руководителем его партии (общины, церкви) стал Петр. А уж Петр-то знал, зачем он отправляется в Иерусалим — для того, о чем было сказано выше.

Но все это не соответствовало целям Иисуса. Целью Иисуса была социальная, правовая, экономическая реформа, реформа отношений между Иудеей и Римом. А вовсе не передел собственности между фарисеями и Пилатом. Не продолжение тех же спекуляций новыми руками в новый карман.

Естественно, Иисус спорил с Петром. Отголоски этого спора сохранили Евангелия. Даже по тем скудным словам, которые до нас дошли, видно, что спор этот нервный и эмоциональный. Речь идет о старой дружбе и идеалах: «Любишь ли ты меня?» О преемственности: «Паси моих овец...» Общий смысл их разговора на повышенных тонах: «Что тебе дороже, Петр, — наши мечты, наши идеи или соблазн денег и власти?» Тем паче что бывший наемник соблазну денег и власти очень и очень подвержен. Не зря же он порывается немедленно отослать юношу Иоанна прочь от разговора «первых лиц». Это продолжение их старого спора. Помните? «Отойди от меня, сатана, ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, а о том, что человеческое».

Мы не знаем, чем кончился тот разговор. Мы знаем лишь, что Иисус в Иерусалим не вернулся. Мы знаем, что Петр был человек невоздержанный и честолюбивый.

Пилату пришлось иметь дело с Петром... Возможно, прокуратор был даже рад этому обстоятельству: Петр был более предсказуем. А Воскресший Иисус был опасен не только для фарисеев, но и отчасти для Пилата. Мало ли что выкинет...

Неизвестно, Петр ли убил Христа, Пилат ли... А может быть, разочарованный в людях Иисус, забрав мать, уехал в Индию, где в Гималаях туристам до сих пор показывают могилу Девы Марии, утверждая, что в ней покоится мать Иисуса? Скорее, справедлив первый вывод — Христа втайне убрали. Это больше соответствует духу и нравам того времени...

Царь Ирод не дожил до Иудейской войны — скончался от кожной болезни через несколько лет после описанных событий.

Император-реформатор Тиберий также умер своей смертью. Пришедший ему на смену Гай Калигула отправил Пилата в отставку. Пилат вернулся в Европу, купил в Галлии (кантон Веве нынешней Швейцарии) большое поместье, где и прожил остаток дней.

Каиафа был Первосвященником еще четыре года, потом оставил пост, и дальше след его теряется.

А Иисус...

Иисус был умен, смел и свободен, пока не заключил договор с Дьяволом, именуемым Властью. Купив у Пилата жизнь ценой обещаний политического сотрудничества, он превратился в марионетку Пилата. Уже на кресте, опекаемый легионерами, он перестал быть свободным. Дальше жил уже не Христос. Спаситель умер на кресте. А тело его жило еще примерно год и, скорее всего, было выброшено в пустыню на съедение шакалам.

А история покатила дальше...